

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

В.В.Вас

ВАСИЛИК Владимир Владимирович

**ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ ЦЕРКВИ И ИМПЕРИИ
В ПАМЯТНИКАХ ВИЗАНТИЙСКОЙ ГИМНОГРАФИИ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Санкт-Петербург

2017

Работа выполнена на кафедре истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный консультант:

Бибиков Михаил Вадимович – доктор исторических наук, профессор исторического факультета ФГБОУ «Московский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Казин Александр Леонидович — доктор философских наук, и.о.директора ФГБНИУ «Российский институт истории искусств»

Матонин Василий Николаевич доктор культурологии, доцент ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им.М.В. Ломоносова».

Полывянный Дмитрий Игоревич – доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет».

Ведущая организация.

ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им Д.С. Лихачева» (Институт Наследия).

Защита состоится «29» июня 2017 года в 17³⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.11 на базе Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, Институт философии, ауд. 24

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9) и на сайте <http://disser.spbu.ru>.

Автореферат разослан «17» мая 2017 года.

Ученый секретарь Диссертационного Совета
доктор культурологии

А.М. Алексеев-Апраксин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность

Диссертация посвящена исследованию отражения жизни Вселенской Церкви и Византийской, или Ромейской империи в византийских церковно-поэтических, или гимнографических памятниках. Важная роль византийского наследия, прежде всего, культурного¹, в судьбах России и Европы не вызывает сомнений. Византизм не умер после взятия Константинополя в 1453 году, он продолжил свою жизнь в политических и культурных традициях православных народов². Значительная часть изучаемых памятников и ныне входит в корпус богослужебных текстов Поместных Православных Церквей, оказав большое влияние на ментальность и культуру православных народов. Следовательно, их изучение отличается особой актуальностью.

Включение в научный оборот византистики новых источников представляется важным и насущным. Диссертация вводит в исследовательское поле целый пласт вновь обнаруженных документов, в частности, так называемой эпохи Тёмных веков (VII – первая половина IX в.). Однако, как показано в работе, историческая информация, позволяющая переоценить ряд важных исторических событий, содержится и в ранних гимнографических памятниках, в том числе относительно хорошо документированной юстиниановской эпохи.

Актуальность данного исследования связана прежде всего с ее культурологической составляющей. Гимнография для

1

Из обобщающих работ по истории византийской культуры не утратил своего значения трехтомник Культура Византии. Т.1. М.: Наука. 1984. Т.2. М. Наука, 1989. Т.3. М.: Наука, 1991.

² Не случайны слова К.Леонтьева о русском народе, которым «спокойно и неторопливо управляет полувизантийский государь наш». Сам по себе расцвет византийского стиля в архитектуре России и Балканских стран в середине XIX-начале XX в. - глубоко значимое и до конца не изученное явление.

раннехристианской и византийской литературы являлась одним из основных литературных жанров, в котором отражался духовный мир христианского суперэтнуса³ – догматические взгляды, чувства, общественные представления, нравственные и правовые нормы. Культурный мир восточного христианства отражается в церковно-поэтических памятниках «в такой же очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла»⁴. Диссертация направлена на исследование культурно-цивилизационного ядра византизма, который находит свое яркое и адекватное выражение в византийской гимнографии. Раннехристианское и византийское гимнографическое наследие вошло в золотой культурный фонд западноевропейской цивилизации: ряд византийских стихир был переведен на латынь и использовался в богослужении римского обряда⁵, кондак и канон повлияли на становление жанра секвенции, из Акафиста вырос розарий⁶, на Фому из Челано влияли такие византийские гимнографы как преп. Косма Маиумский и Симеон Логофет. Великие византийские поэты, их идеи и творения вдохновляли Данте Алигьери⁷. Византийские гимнографы прямо или косвенно влияли и на западноевропейское творчество Нового времени⁸.

Что же касается русской культуры, то она немислима без византийской гимнографии. Это относится не только к ее

³ Формулировка «Христианский суперэтнос» принадлежит Л.Н.Гумилеву.

⁴ Выражение Н.В.Гоголя.

⁵ Например сретенская стихира *κατακόσμησον τὸν νομφῶνα σου, Σιών* — *adorna thalamum tuum, Sion*. Число примеров можно умножить. О влиянии византийской гимнографии на латинскую см *Baumstark A. Comparative liturgy*. – London: A.R. Mowbray & Co. 1958. P. 76-78.

⁶ О корнях жанров секвенции и розария см. в частности Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М: Наука, 1977. С. 200-215.

⁷ Например, св. император Юстиниан Великий, создатель гимна «Единородный Сыне», которого Данте поместил в Рай.

⁸ Одним из примеров является стихотворение Альфреда Теннисона, посвященное преп. Симеону Стилиту.

допетровскому периоду⁹, но и к культуре XVIII-XIX в., и не только к церковной, но и светской, свидетельством чему являются оды Ломоносова и Державина¹⁰, стихотворения Пушкина¹¹, поэмы Алексея Константиновича Толстого¹². Отзвуки византийской церковной поэзии слышны и в «Братьях Карамазовых» Достоевского, и в «Окаянных днях» Бунина. Наконец, творчество С.С.Аверинцева, и научное, и поэтическое, показывает жизненность византизма и византийской традиции в русской культуре.

Однако, для истории культуры важна не только рецепция византизма в русской и европейской культуре, но и ценность византийского культурного проекта сама по себе. Способность к рецепции и творческой переработке предыдущего наследия, воля к творческому синтезу, цельное видение мира, стремление соединить материальное и идеальное, теорию и практику, устраивать земную жизнь по идеальному образцу жизни будущего века, устремление к логосу, к смыслу бытия и сверхбытия, понимание бытия как красоты, а красоты как совершенства — подобные черты византизма достойны не только уважения, но, на наш взгляд, и подражания.

Наконец, данное исследование византийской культуры и ментальности является весьма своевременным ввиду кризиса нравственных ценностей, переживаемого человечеством и поиском

⁹ По мнению Н.С.Серegiной «Слово о Полку Игореве» содержит в себе два покаянных канона и кондак. *Серегина, Н. С.* «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века / Н. С. Серегина. – М. : Памятники исторической мысли, 2011. – 398 с.

¹⁰ Например ода «Бог», во многом основанная на «Золотом» пасхальном каноне преп. Иоанна Дамаскина.

¹¹ Следует, в частности, вспомнить стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны», построенное, как считается, на великопостной молитве великого восточнохристианского гимнографа Ефрема Сирина.

¹² Например поэма «Иоанн Дамаскин», посвященная великому византийскому песнопевцу и содержащая частичное переложение Пасхального канона. Позднее С.И.Танеев написал одноименную кантату.

духовной опоры, которая приводит многих к ценностной системе византинизма.

Источники

Источниковая база диссертации достаточно широка и включает, прежде всего, гимнографические тексты, слабо введенные в научный оборот до нынешнего времени. Также используются хроники, исторические повествования, житийные тексты, правовые акты. В большинстве случаев автор диссертации работает с оригиналами текстов, давая ссылки на соответствующие научные издания.

Из доникейской церковной поэзии для исследования привлечены гимны из Апокалипсиса, Великое Славословие, Гимн Троице, Эпитафия Аверкия¹³, гимнографические цитаты в мученических актах. Из постнических текстов, связанных с доникейской традицией, стоит упомянуть т. н. тропари Аверкия, отражающее сознание малоазийского монашества V в¹⁴.

Ценным материалом для изучения оказались кондаки¹⁵ преподобного Романа Сладкопевца (иначе Мелода, 490–560)¹⁶.

¹³ Эти тексты см. в частности в *Τρεμπέλας Π. Ἐκλογὴ τῆς Βυζαντινῆς ὑμνογραφίας*. Αθήνα, 1949.

¹⁴ Тропарь (τροπάριον - буквально «оборот, поворот») означает краткий поэтический текст, либо самостоятельный, либо связанный с библейскими текстами. О тропарях Аверкия см. в частности *Василик В.В.* Происхождение канона. История. Богословие. Поэтика. СПб: Издательство Санкт-Петербургского Университета. 2006.

¹⁵ Первоначально кондаком называлась большая гимнографическая поэма, состоящая из ряда больших строф, т. н. икосов. Затем кондаком стал называться проэмий (вступление) к первоначальному кондаку — краткий текст суммирующе-вводного содержания.

¹⁶ *Sancti Romani Melodi Cantica* / ed. P. Maas and C.A. Trypanis. 2 vols. 1963-1970. Vol. 2. Cantica dubia. Berlin: De Gruyter, 1970. 185 p.; *Romanos le Mélode. Hymnes*. T. 1. I-VIII / ed. J. Grosdidier de Matons // Sources Chrétiennes. Vol. 99. Paris: Cerf, 1964. 440 p.; *Romanos le Mélode. Hymnes*. T. 2. IX-XX // *Ibidem*. Vol. 110. 1965. 392 p.; *Romanos le Mélode : Hymnes*. T. 3. XXI-XXXI // *Ibidem*. Vol. 114. 1965,

Преимущественно были использованы кондаки «На землетрясение и пожар», «На притчу о десяти девах», «На Второе пришествие», «На Иосифа», «На Илию», «На монашескую жизнь» и другие. Историческая информативность их неравна, наиболее содержательным представляется кондак «На землетрясение и пожар» (№ 54), который отражает принципиально иное, чем принято, видение константинопольского восстания «Ника» 532 года и предшествовавших ему обстоятельств. Интересные сведения из апостольской географии содержатся в кондаке «На Пятидесятницу». Кондаки «На десять дев», «На Второе пришествие» дают представление о землетрясениях шестого века и их восприятии византийцами.

Кондаки «На Иуду предателя», «На Иосифа», «На пророка Илию», «На жизнь монашескую» проливают свет на представления византийцев о праве и обществе, о культуре и духовной жизни.

Кондак «На освящение Святой Софии», по-видимому, не принадлежащий перу преподобного Романа, предоставляет нам важные, уникальные сведения о восстановлении храма святой Софии и о его восприятии верующим народом Константинополя, о духовной культуре и духовной жизни.

Особое значение для работы имеет Акафист, который в значительной мере, хотя и не весь, мог быть написан Романом Сладкопевцем. Этот текст важен не только в качестве источника по истории догматики, но и по военной истории и истории культуры.

В целом кондаки суть ценный нарративный источник, отражающий повествовательную традицию в гимнографии.

380 p.; *Romanos le Mélode. Hymnes. T. 4. XXXII-XLV // Ibidem. Vol. 128. 1967. 618 p.*; *Romanos le Melode. Hymnes. T. 5. XLVI-LVI // Ibidem.. Vol. 283. 1981. 544 p.*

Важным источником стали стихир¹⁷ и каноны¹⁸ преподобных Космы Майумского (650–760), Андрея Критского (660–740), Иоанна Дамаскина (675–753)¹⁹, диакона Георгия Писиды (до 600 – 631/634), преподобных Феодора Студита (759–826), Иосифа Гимнографа (812–886) и других византийских поэтов, чьи творения вошли в современный корпус богослужебных текстов. Их тексты и отрывки рассеяны по ряду богослужебных книг – Минеям, Триодям, Октоихам, Пентикостарию²⁰. К сожалению, за исключением канонов, сохранившихся в итальянских рукописях и изданных в *Analecta Hymnica Graeca*, а также ряда канонов Триоди, изданных Евт. Томадакисом²¹, и отдельных канонов святым, большая часть текстов гимнографического корпуса не имеет критического издания. Более того, ряд канонов до сих пор находится в рукописях и не издан, в связи с чем необходимо дальнейшее исследование рукописной традиции литургических памятников.

Ценными источниками послужили каноны преподобных Андрея Критского (прежде всего Великий канон), Иоанна Дамаскина (канон на Благовещение, ямбический канон²² на

¹⁷ Стихира (στίχηρα — букв.стишок) означает поэтический текст, связанный с псалмами и поющийся после псалмических стихов. Часто стихир^ы одного богослужебного блока (например на «Хвалитех» -во время чтения псалмов 148-150), обладают одинаковой метрической структурой и поются на один напев (т. н. глас).

¹⁸ Канон^{ом} (κανὼν - образец) называется ритмически, мелодически и тематически связанный между собой ряд строф (т.н.тропарей), изначально связанных с девятью библейскими песнями, состоящий из 9 (чаще 8) песней. Первая строфа каждой (ирмос) определяет метрическое строение тропарей каждой песни. Часто песни завершаются особыми тропарями — троичными (посвященными св.Троице) и богородичными (посвященными Деве Марие).

¹⁹ Ряд канонов свт. Андрея Критского, преп. Иоанна Дамаскина и Космы опубликован по нескольким рукописям в *Anthologia Graeca carminum Christianorum* / ed. *W.Christ, M. Paranikas*. Lipsiae, 1871. rééd. Hildesheim, 1963.

²⁰ Библиографию изданий см.: Follieri. E. *Initia hymnorum Graecorum*. Т. 1-5. Roma, 1960-1965.

²¹ Τομαδάκης Ε. Ἐισοματα τοῦ Τριωδίου. Αθήνα, 1995.

²² Написан шестистопным ямбом, в отличие от прочих канонов,

Пятидесятницу, на Успение), Космы Маиумского (на Рождество, на Крещение, на Великий Четверг, на Успение), Феодора Студита (в Неделю Страшного Суда), они отражают и развивают православное богословие, в том числе тематику, актуальную для общественного сознания и истории культуры. Кроме того, важные исторические сведения содержат каноны в честь святых императоров – Константина и Никифора, неизвестные службы святых, в частности святителя Николая Мирликийского.

Новизна работы заключается во введении в научный оборот неизданных текстов. Прежде всего, это канон святому императору Константину, написанный Иоанном Дамаскиным. На основании синайских рукописей (унциальной рукописи VIII–IX вв. МГ 5 и минускульной синайской рукописи Sinaiticus. Graecus 637) подготовлено критическое издание канона²³. В широкий научный оборот вводится служба святителя Николая, содержащаяся в рукописи Российской Национальной библиотеки (РНБ Греч. 89). Она обладает рядом существенных отличий по сравнению с другими известными последованиями, посвященными Мирликийскому святителю: развитой библейской типологией, особым вниманием к посмертным чудесам святого, мироточению.

Для русской исторической, филологической и литургической науки представляет интерес введение в широкий научный оборот грузинского материала из Иадгари²⁴ – первой редакции служб святого Або Тбилисского, Успения Пресвятой Богородицы и других памятников, которые были до этого достоянием узкого круга картвелологов, закрытым для большинства литургистов и историков. Особый интерес представляет служба 2 мая, посвященная явлению

исполненных логаядическим (неравносложным) размером.

²³ Знакомство с данными рукописями состоялось на Синае в 2012 г. во время научной экспедиции по гранту РГНФ, в достаточно непростой обстановке, благодаря любезности архиепископа Синайского Дамиана и постоянной помощи библиотекаря монастыря св. Екатерины иеромонаха Юстина.

²⁴ См. Древний Иадгари (на груз. языке). Изд. *Е.Метревели, Л.Хевсуриани* и др. Тбилиси: Мецниереба, 1980.

Креста на небе в Иерусалиме, впервые зафиксированная в Иадгари. Грузинский материал дает новые возможности для изучения византийской духовной культуры.

Каноны и стихиры (особенно в честь отдельных святых) содержат важные с точки зрения событийной истории сведения, отражают правовые, общественные и культурные реалии своего времени.

Гимнографические источники разделяются на следующие категории:

1. Содержащие актуальную историческую событийную информацию. В первую очередь к ним относятся кондаки преподобного Романа Сладкопевца (в особенности, «На землетрясение и пожар», «На десять дев»), анонимный кондак в честь преподобного Романа, ряд канонов, среди которых – древний канон в честь императоров Константина Великого и Никифора.
2. Отражающие представления эпохи о природе власти, общественные и правовые отношения, касающиеся истории культуры. Среди них выделяются каноны в честь императора Константина, ряд кондаков Романа Сладкопевца (например, «На Иосифа», «На Илию»), антифоны Страстной Седмицы, канон Феодора Студита в Неделю о Страшном Суде и другие.
3. Передающие догматические представления эпохи. Это каноны великих праздников – Пасхи, Рождества, Богоявления, Благовещения, Успения и других.

Аналізу подвергнуты следующие нарративные источники: «История войн» (в особенности, «О персидской войне»²⁵) Прокопия

²⁵ *Procopius Caesariensis. De bellis / ed. G. Wirth, post. J. Haury // Procopii Caesariensis opera omnia, vols. 1-2. Leipzig: Teubner, 1962-1963. Русский перевод см. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер. коммент. А.А. Чекаловой. — М., : Наука.1993. — 578 с.*

Кесарийского и его трактат «О постройках»²⁶. Среди византинистов существуют разные мнения относительно достоверности исторических трудов Прокопия. Одни исследователи полностью полагаются на его сведения, другие относятся к нему с определенным недоверием, упрекая его как в гиперсервизме трактата «О постройках», так и в ядовитых, фантастических инвективах в адрес Юстиниана из «Гайной истории»²⁷. Представляется, что истина лежит посредине: Прокопию можно доверять, за исключением тех случаев, когда он увлечен самолюбием или стремится выслужиться перед императором или перед сенатской оппозицией. Учитывая эти особенности, его тексты можно сопоставлять с другими источниками, такими как «О магистратах» Иоанна Лида²⁸, «История» Псевдо-Захарии²⁹, фрагменты Комита Марцеллина.

Большое значение для византийской истории имеют хроники и хронографии, начиная с «Хронографии» Иоанна Малалы (VI в.)³⁰. Следует отметить большую беспристрастность Малалы по сравнению с Прокопием, его широкий исторический и культурный кругозор, историософскую глубину построений. Менее информативна «Пасхальная хроника» (VII в.)³¹, однако некоторые ее части, такие как «Акты Калоподия», представляют несомненную ценность для истории и истории культуры. Наконец, «Хронография»

²⁶ *Procopius. De aedificiis (lib. 1-6) / ed. G. Wirth, post. J. Haury // Ibidem, vol. 4, 1964. P. 5-186. Русский перевод. Прокопий Кесарийский. Война с готами. О Постройках / Перевод С.П. Кондрагьева. М.: Арктос - Вика-пресс, 1996. С.138-301.*

²⁷ См., в частности, *Курбатов Г.Л. Прокопий // Византийские портреты. Л., 1980. С. 100-120.*

²⁸ *Joannes Laurentius Lydus. De magistratibus populi Romani // Ioannes Lydus. On powers or the magistracies of the Roman state / ed. A. C. Bandy. Philadelphia: American Philosophical Society, 1983.*

²⁹ *Zacharias Rhetor. Die so-genannte Kirchengeschichte / ed. Ahrens K. Krueger. Leipzig, 1889.*

³⁰ *Joannes Malala. Chronographia / ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831.*

³¹ *Chronikon Paschale / ed. L. Dindorf. Bonnae, 1832.*

преподобного Феофана Исповедника (+814)³² в ряде случаев содержит уникальные сведения по истории Восточно-Римской империи, особенно Тёмных веков (VII–VIII в.). Следует также упомянуть «Бревиарий» святителя Константинопольского Никифора, связанный с традицией Феофана Исповедника, он представляет самобытную линию в византийской историографии и освещает ряд фактов, неизвестных Феофану³³.

В диссертации также использовался текст «Жизнеописания византийских царей», или «Продолжателя Феофана», освещающий историю Византии с 815 по 959 год. «Продолжатель» отказывается от хронографического принципа и основывается на античном принципе биографии³⁴.

Эпоха императоров Никифора, Иоанна Цимисхия и Василия Болгаробойцы отражена в «Истории» Льва Диакона – достаточно надёжном и информативном источнике, особенно по отношению к военной истории Византии X века. Он ценен также объективным портретом императора Никифора, особенно важным для нас в связи с изучаемым каноном. Из источников XI–XII веков важны «Хроника» Георгия Кедрина³⁵ и «История» Иоанна Зонары.

В работе использовались житийные памятники: мученические акты, из них самый ранний – «Мученичество Поликарпа Смирнского»; «Житие преподобного Авксентия Вифинского», «Деяния святого апостола Андрея»³⁶, различные версии «Жития святителя Николая», из которых самая древняя и

³² *Theophanes. Chronographia.* /ed. C. de Boor. Lipsiae: Teubneri, 1882.

³³ *Чичуров И.С.* Хронография Феофана Исповедника и Бревиарий Никифора. М.: Наука, 1980.

³⁴ *Любарский Я.Н.* Жизнеописания византийских царей. СПб.: Наука, 1992.

³⁵ *Georgius Cedrenus. Compendium historiarum* / ed. I. Bekker // *Georgii Cedreni et Ioannis Scylitzae opera*, vol. 1-2 (*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. Bd. 8-9). Bonn: Weber, 1838-1839.

³⁶ Деяния апостола Андрея / предисл., перевод и комментарий А. Ю. Виноградова. М., 2004. (*Scrinium Philocalicum*, 2).

надежная написана архимандритом Михаилом около 800 года³⁷. Использовался также грузинский житийный материал, в частности, житие святого Або Тбилисского, созданное почти сразу после его мученической кончины в 785 году³⁸. При всей сложности агиографического материала, грузинские тексты часто предоставляют интересные и важные сведения по истории византийского государства, общества и культуры.

Из правовых источников привлекаются Кодекс Юстиниана, Дигесты, Новеллы Юстиниана и других византийских императоров, постановления Вселенских и поместных соборов.

Из источников по истории догматической мысли в значительной мере использовался гомилетический материал, в особенности – преподобного Иоанна Дамаскина «Три слова на Успение», проповеди святителя Григория Богослова на Рождество, Пасху, Богоявление. Гомилии святителя Иоанна Златоуста ценны для понимания преподобного Романа Сладкопевца, который во многом опирался на его творения. Послания святителя Кирилла Александрийского представляют особую ценность в связи с освещением мариологической тематики.

Экзегетические тексты святителей Кирилла Александрийского и Иоанна Златоуста представляют особый интерес с точки зрения истории религии и культуры.

Среди прочих источников самыми достоверными показали себя исторические нарративные памятники эпохи. Житийным памятникам характерна разная степень достоверности, поэтому автор стремился привлекать наиболее аутентичные житийные тексты, максимально близкие к времени жизни их героев.

При очевидной несамодостаточности гимнографических источников (в случае исчезновения всех прочих текстов по ним вряд ли удалось бы реконструировать историю Византии), в сочетании с другими документами они могут предоставлять актуальные и интересные исторические сведения.

³⁷ Anrich G. Hagios Nicolaos. Bd.1-2. Leipzig, 1913.

³⁸ Сабинин М. Жития грузинских святых. . Т. 1. Тбилиси, 1864. С. 164-175.

Состояние изученности проблемы

Исследования византийской гимнографии насчитывают более двух столетий³⁹. Во введении к диссертации содержится подробный очерк изучения этой области, начиная с первых изданий памятников и комментариев к ним в начале XVI века и кончая современными работами А. Лингаса, К. Ханника, М.А. Моминой, Е.М. Верещагина и других. В историографии второй половины XX – начала XXI века целую эпоху в исследовании византийской гимнографии составили труды замечательного ученого Ж. Гродидье де Матона. Во-первых, его несомненной заслугой является издание кондаков преподобного Романа Сладкопевца в серии *Sources Chrétiennes*⁴⁰. Ж. Гродидье де Матон провел огромную работу по исследованию византийских рукописей кондаков, сличению разночтений, установлению критического текста и атрибуции гимнов преподобного Романа. Однако, его огромной научной заслугой стало не только издание, но и осмысление кондаков этого гимнографа. Его монография «Роман Сладкопевец и истоки византийской религиозной поэзии» до сих пор признается классической в исследовании его творчества, несмотря на то, что со времени ее издания прошло более сорока лет⁴¹. Наряду с биографией и творчеством византийского поэта, ученый рассматривает историю кондака как жанра и его развитие в целом.

В немецкой научной традиции исследователей кондака следует упомянуть имя П. Мааса, который вместе с К. Трипанисом издал сомнительные (или неподлинные) кондаки преподобного Романа Сладкопевца, а также ряд статей, посвященных различным памятникам византийской гимнографии.

³⁹ Об истории вопроса см. в частности: *Василик В.В.* Происхождение канона. История. Богословие. Поэтика. СПб., 2006. С. 2-35.

⁴⁰ *Romanos le Mélode. Hymnes.* Т. 1-5 / ed. J. Grosdidier de Matons // *Sources Chrétiennes.* Vol. 99, 110, 114, 128, 283. Paris, Cerf, 1964-1981.

⁴¹ *Grosdidier de Matons, J.* *Romanos le Mélode et les origines de la poésie byzantine religieuse.* Paris, Cerf, 1972.

Среди немецких исследователей канона следует отметить имя Кр. Ханника и его работы по канонам Октоиха⁴². Значительный вклад в изучение истории канона внес Г. Гуссман и его работа «Мелкитское богослужение как источник сирийского Канона»⁴³.

Разумеется, нельзя забыть труды профессора Тюбингенского университета М. Латтке, исследовав и издав Оды Соломона⁴⁴, он стал знаменит своими исследованиями раннехристианской гимнографии. Основываясь на сирийских переводах, автор опровергает распространенное мнение относительно якобы гностического происхождения ряда раннехристианских гимнов.

Из греческой школы исследователей гимнографии следует упомянуть имена А. Фитракиса⁴⁵ и, в особенности, критского ученого Ф. Детаракиса. Его труд о святом Косме Маиумском,⁴⁶ вышедший в 1979 году, и ныне остается первым, обобщающим и самым полным об этом песнописце. Это исследование отличает подробный источниковедческий анализ, привлечение большого числа рукописей, тщательный лексикологический анализ и многочисленные параллели между лексикой Космы и античных авторов, текстологический анализ, в особенности исследование зависимости текстов канонов от проповедей Григория Богослова. Ф. Детаракис также опубликовал ряд неизвестных канонов IX–X веков. Среди современных греческих ученых следует также упомянуть Евт. Томадакиса, одного из издателей *Analecta Hymnica Graeca*, который в восьмидесятые – девяностые годы интенсивно

⁴² *Hannick Ch.* Dimanche : office selon les huit tons. ΟΚΤΟΗΧΟΣ // La prière des Eglises de Rite Byzantine. Chevetogne, 1972. T. 3. P. 37-60.

⁴³ *Husmann H.* Die Melkitische Liturgie als Quelle des Syrische Qanune iaunaie Melitena und Edessa // *Orientalia Christiana Periodica*. 1975. Vol. 41. P. 5-56.

⁴⁴ *Latke M.* Hymnus. Materialien zu einer Geschichte der antiken Hymnologie. Tübingen, 1991; *Latke M.* Die Oden Salomos. Griechisch – koptisch – syrisch mit deutscher Übersetzung. Tübingen, 2011. 144 p.

⁴⁵ *Φυτράκης Α.* Η ἐκκλησιαστικὴ ἡμῶν ποιήσις κατὰ τὰς κυριωτέρας αὐτῆς φάσεις. Ἀθήναι, 1957.

⁴⁶ *Δεταράκης Θ.* Ο Κοσμάς τούς Μαίουμά. Αναλεκτα Βλατάδων. Τ. 29. Θεσσαλονίκη, 1979.

работал над проектом, сходным с *Analecta*, – изданием трипеснцев, четверопеснцев и канонов Триоди, содержащихся в южноиталийских рукописях⁴⁷.

Из современных русских исследователей греческих Миней безусловно следует упомянуть А.Ю. Никифорову, чья монография о греческих Минях безусловно является новаторской, поскольку в значительной мере создана на уникальном синайском материале⁴⁸. Следует упомянуть также работы В.М.Лурье⁴⁹ и его ученицы монахини Кассии (Сениной)⁵⁰.

Русские ученые создали ряд работ, посвященных славянскому Октоиху и содержащимся в нем гимнографическим текстам. Прежде всего, это работа Н.Б. Шеламановой «Славяно-русский Октоих»⁵¹. В 1997 году на основе своих предыдущих работ О.А. Крашенинникова защитила диссертацию на тему «Древнерусский Октоих»⁵². В этой работе дана классификация Октоиха (Полный Октоих, Параклитик, Изборный Октоих, Шестоднев), определены его редакции (студийская и иерусалимская), рассмотрены этапы становления византийского и древнерусского Октоиха. Для истории канона немаловажное значение имеет исследование канонов Апостолу Петру, содержащихся в древнерусских изборных Октоиха в службе четверга.

⁴⁷ *Тоμαδακης Ε.* Άισματα τοῦ Τριψίδιου, ἐραμισθέντα ἐκ κωδίκων τῆς κάτω Ἰταλίας. Ἀθήναι, 1995.

⁴⁸ *Никифорова А.Ю.* Греческие минеи IX–XII вв. М., 2012.

⁴⁹ Особое значение имеет его статья «Этапы проникновения гимнографических элементов в структуру Всенощного бдения // *Byzantinorossica*. Т.1. Спб 1995. С.

⁵⁰ См. ее монографию. Кассия Константинопольская. Спб. 2015.

⁵¹ *Шеламанова Н.Б.* Славяно-русский октоих (ненотированный) XII–XIV в. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. II. С. 340–388.

⁵² *Крашенинникова О.А.* Древнерусский октоих XII–XIV вв. как памятник средневековой гимнографии. Автореферат канд. дисс. М., 1997.

Среди русских исследователей славянских канонов, относящихся к минейному кругу, следует назвать М.Ф. Мурьянова, который много и плодотворно занимался историей переводов канонов в древнерусской гимнографии домоногольского периода⁵³. Кирилло-Мефодиевской традицией в древнерусской гимнографии активно занимается Е.М. Верещагин⁵⁴. В настоящее время он работает над подготовкой критического издания славянских Миней. Классическими стали работы М.А. Моминой, посвященные греческой и славянской Триоди. Ей предпринят грандиозный труд издания древнеславянской Триоди⁵⁵.

Если говорить о собственно славянской гимнографии и развитии жанра канона в славянских странах, то необходимо отметить достижения болгарской школы, в особенности – работы Г. Попова и Ст. Кожухарова. Г. Попову удалось обнаружить и опубликовать оригинальные гимнографические произведения учеников св. Кирилла и Мефодия, в том числе трипеснцы Константина Преславского⁵⁶ и выявить самобытную болгарскую часть Триоди, созданную в первой половине X века.⁵⁷ Ст. Кожухаров открыл неизвестные прежде каноны и трипеснцы св. Наума Охридского, ученика св. Кирилла⁵⁸.

⁵³ См., например, *Мурьянов М.Ф.* Страницы гимнографии Киевской Руси // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М: Наука, 1991. С. 69-143.

⁵⁴ *Верещагин. Е.М.* Вновь найденное богослужбное последование обретению мощей Климента Римского - возможное поэтическое произведение Кирилла Философа // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 49. С. 87-135; *Верещагин Е.М.* Ильяна книга. М., 2005.

55 *Momina M., Trunte N.* Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des XI-XIV Jahrhunderts. Т. 1. Vorfastenzeit. Padeborn: Schoenig, 2004.

⁵⁶ *Попов Г.* Триодни произведения на Константин Преславски // Кирилло-Методиевска книжност. Т. 2. София, 1985.

⁵⁷ *Попов Г.* О наличии древнеболгарской гимнографической части в Триоди // Язык и письменность древнеболгарского периода. М., 1989. С. 122-131.

⁵⁸ *Кожухаров Ст.* Песенното творчество на староболгарско книжовник Наум Охридски // Литературна история. София, 1984. Кн. 12.

Таким образом, исследователи гимнографии проделали громадную работу по собиранию, публикации и изучению гимнографических текстов⁵⁹.

И, однако, не разрешены многие вопросы, связанные с византийской гимнографией. Прежде всего, это вопросы содержательного плана. Безусловно, многое сделано для издания и изучения текстов, однако они изучались преимущественно с филологической стороны, реже – со стороны богословской. Более того, с легкой руки К. Крумбаха⁶⁰, византийская литература в целом, и особенно византийская гимнография, объявляются нередко малосодержательными, риторическими и отстраненными от реальности.

В эпохальной по своему содержанию книге «Поэтика ранневизантийской литературы» великий русский ученый академик С.С. Аверинцев рассмотрел гимнографические тексты (Великий акафист, кондаки преподобного Романа Сладкопевца, каноны преподобных Космы Майумского и Иоанна Дамаскина) с точки зрения религиозно-философской, в меньшей степени – культурологической. Незаурядные и глубокие исследования Н.С. Серегиной,⁶¹ Н.В. Рамазановой⁶² и Е.М. Верещагина⁶³ все же отличаются более филологическим характером. Известное значение в области истории культуры имеют работы М.Ф. Мурьянова, однако они носят частный и прикладной характер. К сожалению, до сих пор отсутствуют работы, в которых гимнографические тексты подверглись бы комплексному исследованию: в богословском,

⁵⁹ Относительно полную библиографию см. в кн.: *Szöverffy J. A Guide to Byzantine Hymnography*. Brooklyn (Mass.)–Leyden, 1979. Part 2. P. 1–230.

⁶⁰ *Krumbacher K. Geschichte der Byzantinische Literatur*. Leipzig, 1898.

⁶¹ *Серегина Н.С. Песнопения древнерусским святым*. СПб., 1994.

⁶² *Рамазанова Н.В. Песнопения, посвященные св. Меркурию Смоленскому*. СПб., 2009.

1. ⁶³ См., например, *Верещагин Е.М. Древнейший славянский богослужебный сборник «Ильина книга»*. М.: Индрик, 2006.

философском, культурологическом и особенно в историческом аспектах.

Что касается гимнографии и истории, то до недавнего времени отношение к гимнографическому тексту проявлялось либо в недоверии к нему как к историческому источнику, либо в использовании «на потребу». Настало время изменить это отношение, принять новые методы и подходы, в частности – герменевтический и центонно-парафразный, а также метод библейских тематических ключей. В этом отчасти и состоит новизна предлагаемой работы.

Новизна диссертации

Новизна диссертации имеет следующие аспекты:

1. Общеисторический аспект.

Основное положение диссертации состоит в следующем:

1. Гимнографические памятники отражают дуализм византийского сознания — стремление соединить земное и небесное, Церковь и Империю, триумфальный «имперский эсхатологизм» и напряженный апокалиптизм.
2. Византийские церковно-поэтические памятники обладают самостоятельным культурным значением и являются весьма ценным источником прежде всего по истории византийской культуры и сознания, поскольку во многом они формировали культурный код Византийской цивилизации. Соответственно, результаты их изучения важны для исследования семантического поля византийской культуры
3. Гимнографические памятники способны нести актуальную историческую информацию и их использование как исторического источника не только допустимо, но и желательно, и не от случая к случаю, а в рамках системного подхода.

Данное положение является новаторским для византистики, поскольку, как отмечалось выше, изучение византийских гимнографических памятников в целом было прерогативой филологии, а их использование как исторических источников происходило время от времени, можно сказать, «на потребу». Надеемся, что данное диссертационное исследование положит начало всестороннему системному подходу к изучению гимнографических памятников.

4. Разработана методология изучения гимнографических памятников, которая состоит в комплексном подходе – соединении целого ряда методов различных гуманитарных наук – источниковедческого, герменевтического, историко-психологического метода, метода философско-теологического анализа – в соединении с рядом филологических методов.

5. В результате данной работы в научный оборот вводится целый корпус исторических источников, которые раньше лишь обслуживались исторической наукой, а теперь могут стать ее подспорьем, то есть предоставлять важную и интересную историческую информацию.

II. Конкретно-практический аспект.

Изучение гимнографических текстов привело к пересмотру ряда представлений, сложившихся в византистике и к ряду нетривиальных выводов, из которых можно отметить следующие:

1. Можно говорить об отражении в гимнографии такого явления, как «имперский хилизм» – представление о христианской державе как «тысячелетнем царствии Христа».

2. Судя по службе св. императору Никифору для византийского сознания был актуален образ царя-страстотерпца и, более того, он передается в славянскую традицию, в частности в почитание св.Бориса и Глеба, что отражается в службе, посвященной им.

3. Судя по кондаку «На землетрясение и пожар» восстание «Ника» не являлось всенародным мятежом, большая часть

константинопольцев уклонилась от него и стремилась бежать из города. Кондак намекает на роль нехристианских элементов в организации мятежа. Император Юстиниан предстает в гимне защитником верующего народа.

4. Византийско-персидская война, в отличие от мнения ряда современных византологов, предстает глобальным конфликтом двух миров и судьбоносным событием в жизни христианской империи.

5. Византийские гимнографические памятники дают не только живую и правдивую картину стихийных бедствий, но и предоставляют их духовно-нравственное объяснение, состоящее в греховном инфантилизме ромеев, их безответственности и безнравственности. Византийские церковно-поэтические произведения отражают эсхатологические ожидания ромеев и высокий уровень апокалиптической тревоги в эпоху имп. Юстиниана.

6. Ряд гимнографических текстов отражают правовые и общественные реалии Византии, такие как угнетение человека человеком, особенности правового процесса, процедуру эмансипации и т. д.

7. В церковно-поэтических памятниках проходит противопоставление античной и христианской культуры противопоставляются в гимнографических текстах как культуры мифа и технологии как средства манипуляции, создания химер, с одной стороны – и культуры истины и искусства как прославления Бога с другой.

Предмет и объект диссертации.

Предметом диссертации является история византийской культуры, мировоззрение византийцев и история Церкви и Восточно-Римской империи, отраженная в византийской гимнографии. Можно говорить об отражении жизни Церкви и Империи в церковно-поэтических памятниках, однако, во избежание неправильных толкований, отметим, что понятие «жизнь» означает

не повседневность, а исторический процесс в целом, как в его повторяющихся, так и уникальных событиях.

Объектом исследования являются отражение мировоззрения и культуры в раннехристианских и византийских гимнографических текстах – гимнах, канонах, кондаках, стихирах, тропарях.

Проблема диссертационного исследования

Основная научная проблема, на решение которой направлено диссертационное исследование – проблема исторического содержания памятников византийской поэтической культуры, конкретно — гимнографических текстов. Решение ее весьма важно для истории, в частности, истории культуры. Она не представляется надуманной, о чем свидетельствует тот факт, что ни в России, ни за рубежом не найти монографического исследования, посвященного историзму церковно-поэтических текстов, особенно в его культурологическом ракурсе. Со времени Крумбахера, если не ранее, у многих ученых, к сожалению, сформировался стереотип о «клишированности», неисторичности, стандартности церковно-поэтических текстов.

Хотя временами гимнографические тексты и использовались как исторические источники, это происходило случайно, бессистемно, можно сказать, «на потребу». Не существовало исследований, которые могли бы сформулировать методологию раскрытия исторического содержания гимнографических памятников. В представляемой диссертации предлагается историческая методология, которая этому способствует.

Следующая проблема, тесно связанная с историзмом, – континуитет христианской и византийской гимнографии. Прерывность ее (при вынужденном признании известной связи) с доникейской была общим местом византистики, начиная с трудов девятнадцатого века – Майи, Криста и Параникаса⁶⁴, Буви⁶⁵ и другие.

⁶⁴ *Christ W., Paranikas K. Antologia Graeca carminum Christianorum. Lipsiae: Teubneri, 1871.*

Особо акцентировалась ее сложность строфики, богатство лексики, сложность богословского содержания, однако нередко упускалось из вида, что основы триадологической, христологической и мистагогической проблематики христианского богословия закладывались в первые три века христианства. Более того, общественная и культурная проблематика ее, тема союза Церкви и Империи, также заложена в доникейском богословии – в частности, в трудах святителя Мелитона Сардийского, и не могла не отразиться в церковном песнотворчестве. Соответственно, можно постулировать континуитет доникейской и византийской гимнографии.

Еще одна проблема, связанная с историзмом – глубина гимнографического текста, его исторического и культурного содержания. Ряд исследователей считали гимнографические тексты вторичными по отношению к гомилетике и, соответственно, риторически украшенными, но малосодержательными. В исследовании показано, что и это далеко не так, зависимость еще не означает поверхностности. Напротив, культура цитаты и цитона способствовала тому, что элементы, заимствованные из патристических произведений (включая гомилетические) облекались новыми смыслами, в том числе актуальной исторической информацией, в которой цитирование превосходит смысл изначального текста. Как показано в исследовании, часто гимнографические тексты по своей догматической глубине, емкости и четкости оказываются выше прозаических патристических текстов – трактатов и гомилей. Временами они передают очень тонкие оттенки смысла и дают возможность проникнуть в глубины византийской культуры⁶⁶.

⁶⁵ Bouvy R. *Poètes et Mélodes*. Nimes, 1886.

⁶⁶ Так, Херувимская, песнопение Великого входа, при котором переносятся с жертвенника на престол еще не освященные Евхаристические дары, подразумевает византийский военный ритуал провозглашения императора - его поставления на щит, поддерживаемый скрещенными копьями: «Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо доносима чинми» (ὅτι τὸν Βασιλέα τῶν ὀλῶν

Наконец, одной из проблем, решаемых в рамках диссертационного исследования — осмысление феномена культуры в византийских церковно-поэтических памятниках.

В связи с этими общими проблемами поставлен ряд частных.

Во-первых, это истоки и перспективы христианской империи, «имперский хилиазм» и ромейский патриотизм.

Во-вторых, это катастрофизм, как природный, так и социальный. В частности, формулируется вопрос о движущих силах восстания «Ника», а также об отношении византийцев к катастрофам.

Наконец, одна из фундаментальных проблем, рассматриваемых в заключении, – сущность византийской культуры. В отличие от весьма распространенных представлений о ней, как о культуре подражательной, имитирующей античность, показан ее самостоятельный и творческий характер, а также особенности византийских представлений о культуре и творчестве и о их онтологическом фундаменте.

Хронологические рамки исследования

Хронологические рамки охватывают обширный период с конца I до конца X века. Подобные широкие рамки обусловлены, с одной стороны, длительным становлением византийской гимнографии, которое началось еще в доникейскую эпоху и завершилось созданием жанров и литургических книг лишь в IX веке (появление Триоди, Минеи, полного Октоиха), а с другой – судьбами христианской Империи, основы которой были заложены еще до Миланского эдикта, но акмэ имело место при Македонской

ὑποδείξομενοι, τὸν ἀορατὸς δоруφορούμενον τάξεσιν) См. Εὐχολόγιον τὸ μέγα. Αθῆναι, 1967. Σ. 30. Выражение дориносима (δоруφορούμενον) как раз говорит о провозглашении императора, однако на щите стоит еще кандидат в императоры, которого должен еще признать Сенат и венчать – патриарх. Эта аналогия полностью соответствует статусу переносимых Честных даров, чтимых, но еще не освященных.

династии, то есть к IX–X векам. Так называемый Македонский ренессанс, по мнению ряда исследователей (Белтинг, Манго, Грабар и другие), был вершиной византийской культуры, соответственно, изучение гимнографических текстов этого периода важно для исследования византийской культурной проблематики.

Цели и задачи исследования.

Цели исследования.

1. Осветить духовный мир восточно-римского (византийского) общества и его отражение в гимнографии.
2. Показать особенности и структуры восточно-римской христианской ментальности, проявляющиеся в византийской гимнографии.
3. Осветить проблему историзма и отражения реальных событий в византийской гимнографии.

Задачи исследования.

1. Выявить представления о культуре, содержащиеся в произведениях гимнографии.
2. Определить концепцию власти, отраженную в византийских гимнографических памятниках.
3. Изучить настроения византийского общества, отраженные в гимнографических текстах.
4. Определить правовые представления византийского общества, присутствующие в церковной поэзии.
5. Выявить в гимнографических текстах исторические факты, либо связанные с ними аллюзии и намеки, обогащающие современные знания о византийской истории.
6. Показать, как византийские гимнографические памятники освещают жизнь Церкви, Империи и византийского общества.

7. Показать особенности отражения догматической полемики в гимнографических памятниках.

Методологическая основа диссертации

В диссертации используется комплекс методов и подходов: исторических, филологических и библейских тематических ключей.

1. Исторические методы

1. Традиционный историко-критический метод.⁶⁷

2. Герменевтический подход школы Бетти-Гадамера⁶⁸. Выбор данной школы не случаен, поскольку, во-первых, Гадамер понимает герменевтику как учение о бытии, как онтологию, во-вторых, он выстраивает определенную аксиоматику герменевтического знания, которую именует «предварительным пониманием», заданным традицией. Традиция же способствует верификации результатов герменевтического процесса и служит определенным гарантом от герменевтического произвола⁶⁹.

3. Методы исторической психологии, основанные на работах И.Г. Белявского⁷⁰, В. А. Шкуратова, Е. Ю. Бобровой⁷¹, Л.В. Спициной⁷², А. Д. Барской⁷³, А.Л. Вассоевича⁷⁴, связанные с герменевтикой через понимающую психологию⁷⁵.

⁶⁷ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский [и др.]. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С.10-15.

⁶⁸ *Gadamer P. Wahrheit und Methode. Grundzuge einer philosophischen Hermeneutik.* 1960. S. 12.

2. ⁶⁹ *Gadamer H.G. Dialogue and Dialectic: Eight Hermeneutical Studies on Plato.* New Haven, 1980. P. 42.

⁷⁰ *Белявский И.Г.* Историческая психология. Одесса: ОКФА, 1991.

⁷¹ *Боброва Е.Ю.* Основы исторической психологии. Спб. Изд-во С.-Петербург, ун-та, 1997.

⁷² *Спицина Л.В.* Историко-психологическая реконструкция форм и способов общения в советском обществе в постреволюционный период. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. М., 1994.

II. Филологические методы

1. Лексикологический анализ.
2. Синтаксическо-текстуальный анализ.
3. Метрический анализ (см. пункт «Гимн Троице»).
4. Текстологическая реконструкция (см. пункт «Реконструкция ирмоса «Честнейшую херувим»).
5. Метод обратного перевода (использован для восстановления не дошедших до нас греческих текстов, которые реконструированы благодаря обратному переводу с древнегрузинского языка).
6. Центонно-парафразный метод (разработан Риккардо Пиккио и развит И.Я. Данилевским, который апробировал этот метод на материалах раннего русского летописания⁷⁶. Представляется, что центонно-парафразный метод дает интересные и позитивные результаты не только для древнерусской литературы и не только для летописания, он целиком применим к раннехристианской и византийской гимнографии. Ярким примером центона можно считать гимн «Великое славословие», который составлен из цитат Ветхого и Нового Завета. Анализ семантики цитат и изучение образуемого ими нового семантического поля дает многое для изучения не только доникейской гимнографии, но и истории Древней Церкви).

⁷³ Барская А.Д. Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. М., 1998.

3. ⁷⁴ См., в частности: *Вассоевич А.Л.* Духовный мир народов классического Востока: историко-психологический метод в историко-философском исследовании: учеб. пособие. СПб.: Алетейя, 1998.

⁷⁵ *Дильтей В.* Описательная психология. М., 1924. С. 18-30.

⁷⁶ *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 30

III. Метод библейских тематических ключей

Этот метод тесно связан с центонно-парафразным методом, но, в отличие от него, более сосредоточен на семантическом значении библейских цитат⁷⁷. Каждая цитата осмысливается, как некий смысловой ключ к пониманию текста, временами, как некий тематический элемент, который конструирует текст, а также создает известный смысловой вектор его движения. Метод тематических ключей применяется во многих случаях, в том числе при исследовании кондаков Романа Сладкопевца, в частности «На землетрясение и пожар», где мятежники представлены в образе филистимлян и «Нового Голиафа», а император Юстианиан – нового Давида. Кроме того, образы, связанные с Египтом и потоплением Фараона в Красном море, являются намеками на страшное землетрясение и цунами 551 г., когда финикийцы, погнавшиеся за добычей из разбитых кораблей на дне временно отступившего моря, стали жертвой внезапно вернувшейся воды.

Положения, выносимые на защиту

1. Византийские гимнографические памятники являются историческими источниками не только в силу того, что они – часть прошлого, но и потому, что в ряде их в той или иной мере отражаются исторические события и во всех них – восточно-христианская ментальность. Ряд церковно-поэтических памятников, при применении надлежащей методологии (метод библейских тематических ключей, центонно-парафразный метод), способны предоставить актуальную историческую информацию. Это справедливо, в частности, для кондаков преподобного Романа Сладкопевца. Так, образы Давида и Голиафа в кондаке на «Землетрясение и пожар» проливают свет на характер императорской власти и на религиозный состав мятежников.

⁷⁷ Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык / М.: Знак, 2003. С. 431-466.

2. Проблема гимнографического текста как исторического источника ставит важный историко-культурный вопрос о соотношении ментального и реального в византийской литературе, в частности, в церковной поэзии, а прежде всего, в истории. В византийском гимнографическом тексте, как представляется, ментальное неразрывно связано с реальным, подобно тому как, согласно определению Четвертого Вселенского Собора, две природы Христа соединены нераздельно, неразлучно, неслиянно. Так, ментальная география неразрывно соединена с реальной, ментальная история – с реальной. В гимнографических памятниках присутствуют не только такие символические топонимы, как «Вавилон», но и вполне реальные. Древнейшие церковно-поэтические произведения освещают апостольскую проповедь и проливают свет на ее достаточно неожиданную сторону - апостольскую географию.
3. Ценность гимнографического текста увеличивается, если автор был свидетелем или очевидцем события, примером тому может служить кондак «На землетрясение и пожар» Романа Сладкопевца. Но даже если в гимнографическом тексте не отражаются исторические события, от этого он не перестает быть историческим памятником и предоставлять ценнейшие исторические сведения, правда, несколько иного характера. Он отражает веросознание, идеологию, нравственную и культурную жизнь восточно-христианского общества, Восточной Римской Империи. Исходя из рассмотренного материала, можно видеть разнообразие исторических событий и явлений, отраженных в гимнографических памятниках. Это стихийные бедствия – землетрясения и эпидемии, социальные катаклизмы – войны и восстания, важные события церковной жизни – вселенские и поместные соборы, освящения значимых храмов. Проведенное исследование дает возможность постулировать континуитет доникейской и византийской гимнографии, в том числе, применительно к проблеме историзма.

4. Византийская гимнография была не просто литературным жанром, но религиозно-общественным явлением, нередко своеобразным знаменем противоборствующих сторон. Будучи частью религиозной жизни и церемониала, она не только отражала жизнь византийцев, но и формировала ее. Ряд гимнографических текстов обладал не только культуuroобразующим, но и государствообразующим значением. Пример тому – аккламации народа во время царских церемоний, описанных в трактате Константина Багрянородного «De ceremoniis» и целый ряд других, в частности, рассматриваемый кондак «На освящение святой Софии».
5. В византийской гимнографии присутствует представление об империи как об обществе христианском по преимуществу, как о достоянии или собственности Христа, Его «политии», в которой действуют (или должны действовать) Его законы. С известной осторожностью можно говорить об отражении в гимнографии такого явления, как «имперский хилиазм» – представление о христианской державе как «тысячелетнем царствии Христа». Император предстает как «крестоносный царь», защитник христианской цивилизации и культуры, как образец христианской нравственности. В то же время, в службе императора Никифора создается образ царя-мученика. В византийской гимнографии, в частности в Великом акафисте и в творениях Георгия Писиды, отражается военная тематика, ряд эпизодов Персидской войны и аварской осады Константинополя – сожжение персидских храмов огня, трудный путь войска Ираклия в пустыне, решающий морской бой под стенами Константинополя 8 августа 626 года. В ряде служб, особенно в службе Аморийских мучеников, присутствует ромейский патриотизм и признание святости воинского подвига.
6. В диссертации особое внимание уделяется творчеству и жизненному пути одного из величайших поэтов Византии - преподобного Романа Сладкопевца. В кондаке Романа Сладкопевца «На пожар и землетрясение» восстание «Ника»

освещается в совершенно ином ключе, чем в ряде нарративных памятников. Согласно Роману, большинство горожан не принимало участия в восстании, а стремилось спастись бегством из Константинополя, чему мешала буря на Босфоре. Зачинщиками восстания могли быть некие «чужеземцы», подобные филистимлянам, т. е. нехристиане. Император предстает защитником верующего народа. В целом Роман не осуждает ни императора, ни восставших, но считает восстание наказанием за грехи всего народа. В творчестве Романа Сладкопевца отражается эпидемия чумы 544 года и великие землетрясения сороковых-пятидесятых годов VI века. Эти бедствия преподобный Роман считает прологом Второго пришествия Христа и наказанием за греховный инфантилизм ромеев, за их упорство в пороках и нераскаянность. Биография Романа Сладкопевца, реконструируемая на основе ранних гимнографических памятников, в том числе его собственных произведений, в корне отличается от поздних житийных текстов. Вместо отшельника и созерцателя, отдаленного от мирских дел, пред читателем предстает образ активного общественного деятеля, в некотором смысле, политика, советника и приближенного св. императора Юстиниана, а также одного из творцов византийской культуры.

7. В ряде гимнографических памятников находят свое отражение общественные и правовые реалии – инквизиционный процесс, процедура отпуска на свободу раба, вчинение иска о недобросовестном исполнении контракта. В церковно-поэтических произведениях отражается тема коррупции и угнетения человека человеком.
8. Античная и христианская культура противопоставляются в гимнографических текстах как культуры мифа и истины, технологии как средства манипуляции, создания химер, с одной стороны – и искусства как прославления Бога с другой. Согласно византийским поэтам, вместо знания рационального и дискурсивного приходит ведение сверхрациональное, «превыше

ума», которое носит жизненный, практический и жизнеутверждающий характер. Античности, по мнению восточно-римских христианских гимнографов, была чужда тесная связь жизни и знания. Для христианства, напротив, она стала определяющей, что отражается в церковной поэзии. В Великом каноне Андрея Критского подвергается сомнению принцип «познай себя», связанный с самоанализом, с самовзысканием, с познанием себя, а не Бога, как центра мира.

9. Творчество обладает триадологическим, пневматологическим и экклесиологическим измерением. Воплощение и домостроительство спасения осмысляется как творчество и новотворение. Христианская жизнь, подвижничество в византийской гимнографии рассматривается как творчество, «деятельное восхождение». Жизнь и творчество гимнографов (в частности – Романа Сладкопевца) осмысляется в рамках православной мистики, аскетики, богопознания, экклесиологии. Творчество преподобного Романа обладает общественным, учительным значением. Его произведения воздействуют на все виды чувств и обладают космологическим значением.

Структура работы

Работа состоит из трех глав. Первая глава посвящена отражению церковной жизни в гимнографических памятниках. Во второй главе рассматривается тема императора и империи и ее судеб в церковно-поэтических произведениях. Третья глава касается освещения общественной и культурной жизни в гимнографических памятниках.

Каждая глава делится на параграфы и пункты. Параграфы объединяют более общие темы, такие как «Доникейская гимнография», «Богословская тематика», «Праздник в византийской гимнографии», «Почитание святых», «Гимнографические памятники как источники по истории богослужения» в главе «Церковь». Пункты содержат конкретные сюжеты и объединяются параграфами.

Основное содержание работы

Работа делится на главы, состоящие из параграфов и пунктов.

Первая глава рассматривает освещение жизни Церкви в гимнографических памятниках и особенности церковной культуры.

Ее первый параграф посвящен смыслу доникейской гимнографии и раннехристианской церковной культуре. Работа открывается исследованием гимнов Апокалипсиса. В преданафоральном последовании Апокалипсиса имеется прототип раннехристианской структуры бдения – песнь Моисея, песнь Азарии и, возможно, трех отроков. В пятнадцатой главе Апокалипсиса находится своего рода «однопеснец», состоящий из песни Моисея (Исход, 1-19) и «Песни Агнца», каждая «строфа» которой стихословилась с пятью или тремя стихами Песни Моисея.

С содержательной точки зрения в стихах 5, 7 главы 15 видны следы гонений Домициана и военных поражений Империи. Связь наказания с первой египетской казнью уподобляет римлян жестокосердным египтянам – эксплуататорам и детоубийцам – и отчасти проливает свет на экономические и политические причины гонений.

Песнь Агнца может отражать, с одной стороны, миссионерские успехи Церкви, с другой – те бедствия, которые обрушились на ее врагов – иудеев (разрушение Иерусалима) и язычников (неурожай, голод, эпидемии, военные поражения эпохи Домициана). Эти беды осмысливаются как явления Божиих судов, ведущих человечество к покаянию. В пункте дается историко-культурный анализ апокалиптического гимнографического текста.

Второй пункт первого параграфа посвящен теме молитвы и мученичества. Евхаристия и евхаристическая жизнь влияла на раннехристианское сознание и, соответственно, на психологию мученичества. Мученический подвиг становился как бы совершением евхаристии, в некотором смысле – второй анафорой, вследствие чего особым значением обладали евхаристические гимны.

Следующее таинство – крещение – также связано с психологией мученичества. Согласно вере древней Церкви тот, кто не получил крещения, но исповедал себя христианином пред мучениями и казнью или во время их, получает «крещение кровью». Соответственно, крещальные гимны опосредованно связаны с тематикой мученичества.

При изучении ранних мученических актов можно видеть, что псалом и гимн сопровождают раннехристианских мучеников во время их страданий и смерти. Так, при допросе св. Пиония чиновник Полемон спрашивает: «Какого Бога ты почитаешь?» Ответ Пиония отчасти представляет собой цитату из 145 псалма (Пс. 145, 7), отчасти – из Символа веры: «Бога Вседержителя, сотворившего небо и землю, и все, что в них и всех нас, Который дарует нам все богатство, Которого мы познали чрез Слово Его Иисуса Христа»⁷⁸. Во время сожжения, св. Агафоника произносит слова из утреннего раннехристианского гимна «Великое Славословие»: «Выпрямившись и объятая огнем, она трижды воскликнула: «Господи, Господи, Господи, помоги мне, к Тебе прибегла я», и так предала дух и скончалась со святыми»⁷⁹. «Великое Славословие» играло достаточно важную роль в жизни и мученичестве первых христиан: по свидетельству Плиния Младшего, все преступление вифинских христиан состояло в том, что они утром «воспевали песнь Христу как Богу»⁸⁰. Христологическое содержание «Великого Славословия», в частности образ Агнца Божия, берущего на себя грехи мира, связано с темой жертвы и страдания и, опосредованно, с

⁷⁸ Πολέμων εἶπεν· Ποῖον θεὸν σέβῃ; Πιόνιος εἶπεν· Τὸν Θεὸν τὸν Παντοκράτορα τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ πάντα τὰ ἐν αὐτοῖς καὶ πάντας ἡμᾶς, ὃς παρέχει ἡμῖν πάντα πλουσίως, ὃν ἐγνώκαμεν διὰ τοῦ Λόγου αὐτοῦ Χριστοῦ. *Martyrium Pionii presbyteri et sodalium* / ed. *H. Musurillo* // *The acts of the Christian martyrs*. Oxford: Clarendon Press, 1972. P. 136-166.

⁷⁹ Κύριε, κύριε, κύριε, βοήθει μοι· πρὸς σε γὰρ κατέφυγα· καὶ οὕτως ἀπέδωκεν τὸ πνεῦμα καὶ ἐτελειώθη σὺν τοῖς ἁγίοις. *Martyrium sanctorum Carpi, Papyli et Agathonicae* / ed. *H. Musurillo* // *Ibidem*. P. 22-28.

⁸⁰ Carmen Christo quasi Deo. *Plinius*. Epistula III. Русский текст см. Письма Плиния Младшего / отв. ред. *А.И. Доватур*. М.: Наука, 1982. С. 121.

темой мученичества. В целом пункт посвящен осмыслению мученичества в раннехристианской культуре и ментальности.

Третий пункт параграфа посвящен апостольской географии и географической культуре раннехристианского и византийского периода, отраженной в гимнографии. Эпитафия Аверкия дает нам сведения о его путешествии в Рим и о наличии в ряде сирийских городов христианских общин, а также, возможно, указание на проповедь апостола Павла в Восточной Сирии. Кондак Романа Сладкопевца на Пятидесятницу свидетельствует о проповеди апостола Петра в Египте, апостола Андрея в Месопотамии и евангелиста Иоанна в Памфилии, что отсутствует в других источниках. Акафист подтверждает древние сирийские сказания о проповеди волхвов в Персии. Упоминание различных стран и народов (Испания, Эфиопия, Саба, Мидяне) в Рождественском каноне связано с ситуацией конца VI века и говорит с одной стороны о пределах христианской ойкумены, с другой – представляет собой отзвук на реальные события либо христианизации, либо перехода в православие упомянутых стран и народов. Временами, благодаря языку гимнографического текста и его содержанию, становится возможно установить региональные особенности памятника и на этом основании сделать важные выводы относительно миграции литургических текстов, обычаев и культурной коммуникации различных этносов и жителей различных регионов, примером чего является в частности Луксорский Остракон (VI в.) (*Ostrakonum Luxor, Bibliotheca Strasburgiensis. 669*) - гимнографический памятник, происходящий из Египта, в котором выражается надежда на спасение иудеев.

Четвертый пункт первого параграфа посвящен музыкальной и гимнологической культуре и, конкретно, древнейшему нотированному раннехристианскому гимну, посвященному Троице. В нем слово господствует над напевом. По своей структуре и композиции он близок ранним однопеснцам. Его литургическая позиция связана с утреней и Песнью отроков. В своем содержании он представляет ряд параллелей древним «протооднопеснцам»

(первоначальной форме канона) – гимну Мелитона, Великому Славословию, тропарям Авксентия. Это касается прежде всего темы ангельской хвалы и троического славословия. Этот гимн обладает космологическим значением, ибо Троице воспеваешь хвалу вся вселенная – небо, звезды и реки, подобно тому как в Песни трех отроков хвалу Богу приносит все творение, начиная от небес и кончая душами праведных. По некоторым своим чертам он мог быть одним из источников для Синесия Киренского.

Последний пятый пункт первого параграфа посвящен тропарям Авксентия Вифинского, продолжающим традиции доникейской гимнографии. Эти тропари суть значимое явление в истории монашества и свидетельствуют об определенной перемене его отношения к творчеству, о развитии в нем творческого начала. Они – часть малоазийского литургического предания и, в конечном счете, восходят к традиции св. Иоанна Богослова и к иудео-христианской линии в раннехристианском богословии. Слова о «бедных и нищих», воспевающих Господа, с одной стороны, связаны с ветхозаветной пророческой традицией «бедняков Господних» и указывают на близость монашества к этой традиции. С другой стороны, они отчасти обозначают социальную позицию монашества вообще и преподобного Авксентия в частности относительно бедности, как богоугодного и равноангельского состояния. Возможно, в них содержатся в имплицитном виде воспоминания о великих землетрясениях сороковых годов пятого века. И, наконец, эти тропари стоят у истоков такого важного жанра для византийской культуры, как канон и монашеской гимнографической культуры в целом.

Второй параграф первой главы - «Византийская гимнография и византийское богословие» открывается пунктом «Влияние богословия св. Кирилла Александрийского на византийскую гимнографию в контексте общественно-религиозной борьбы в Византии V-VIII веков». Как в поздней античности, и так и в средневековье для Византии богословская мысль была важным общественным фактором, во многом формировавшим историческую

действительность, в том числе культуру и литературу, и определявшим социально-этнические и культурные процессы.

Влияние св. Кирилла на византийскую гимнографию значительно и многообразно. Оно проявляется как на текстуальном и терминологическом, так и на базовом идейном и догматическом уровне. Огромно значение деятельности и творчества святого Кирилла для развития и утверждения гимнографии, посвященной Пресвятой Богородице. Примеры его влияния становятся заметны уже в середине пятого века. Благодаря ему в гимнографии развивается важная богословская тема нетленного Рождества Христова. На византийскую гимнографию огромное влияние оказала ассиметричная христология святого Кирилла, воздействие которой ощущалось еще при жизни святителя. Гимнографы нередко используют «неконвенциональную» терминологию св. Кирилла, в частности, термин $\phi\acute{o}\tau\iota\varsigma$ в значении $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\sigma\tau\alpha\sigma\iota\varsigma$. В некоторых текстах присутствует представление о «единой сложной природе» воплотившегося Бога Слова. Неконвенциональная терминология использовалась в миссионерских целях для привлечения монофизитов к православию. В некоторых византийских гимнографических памятниках, в частности, наблюдается общее со св. Кириллом учение о кенозисе, искуплении и животворной смерти Христовой. Идея кенозиса оказала глубокое влияние на государственную и общественную идеологию Византии и ее культуру. В целом, пункт посвящен отражению культуры богословской мысли в гимнографических текстах.

Второй пункт второго параграфа посвящен отражению Евхаристии в гимнографических памятниках. Гимнография, посвященная теме Евхаристии, отражает богословие Церкви, основанное на переживании единотелности евхаристических даров Телу Христову, распятому на Голгофе, и Крови Христовой, излитой ради спасения мира. В осмыслении этого богословского догмата следует выделить доникейский период, где оно выражается скорее на языке символов и достаточно простых суждений, и период Вселенских соборов, когда в гимнографических текстах отражаются

решения достаточно сложных проблем, связанных с Евхаристией. В числе них – проблема единосущия евхаристических даров с историческим Телом Христовым, весьма актуальная для церковно-общественной полемики пятого века в связи с несторианским вопросом. В гимнографических памятниках ставятся и разрешаются другие проблемы, важные для византийского общества и его духовной культуры – вопрос о соотношении Голгофской жертвы и Евхаристии, Тайной Вечери и Распятия, вопрос о Совершителе Евхаристии и Жертвы в ней. В целом пункт посвящен литургической и богословской культуре, отраженной в гимнографическом тексте.

Третий параграф посвящен празднику и отражение его культурных черт в византийской гимнографии. Церковный праздник был важным общественным явлением в жизни империи и, соответственно, праздничная гимнография – значительный феномен византийской культуры. Первый пункт посвящен гимнографической программе Успения в контексте других праздников. Содержание праздника Успения, его гимнография, каноны и стихиры, написанные преподобными Иоанном Дамаскиным и Космой Маиумским, а также неизвестными палестинскими гимнографами, гармонично соединяют в себе черты праздника Сретения, поскольку для православных христиан свидетельствуют о Той, Которая внесла в мир горящий уголь всемирного очищения, поскольку Богородица, как сказано в каноне, «кадильница Угля горящего». Успение несет в себе образный ряд Вознесения, поскольку для сознания византийцев говорит о Деве, восходящей «от земли на небо» (нынешняя дата Успения первоначально была октавой к празднику Успения, в которую праздновалось Вознесение плоти Богородицы). Успение тесно связано с Благовещением, поскольку для христианского сознания несет в себе благовест о том, что для святых смерти нет, а есть Успение, и на Пресвятой Деве исполняются слова Откровения: «Блаженны умирающие о Господе. Ей, глаголет Дух, упокоются они от трудов своих (Откр. 14, 13)».

Для византийцев гимнография Успения тесно сплетается с Пасхой, поскольку говорит о нетленной смерти Матери Божией, и телесном Воскресении, Ее сопричащении животворной смерти Христа и Его воскресению.

Наконец, в праздновании Успения просматривается память ветхозаветного праздника – дня Очищения, поскольку, согласно словам Иоанна Дамаскина, Богоматерь «премногия ради чистоты присносушного существа приятелище» (δοχεῖον), «свещник невещественного света и кадильница злата», «теплое очистилище». С Успением связан также день обновления Святого Сиона (394), поскольку Матерь Божия, по словам гимнографов, есть «одушевленный храм», «небо на земле», «одушевленный кивот» и «Новый Сион», Она есть Церковь по исполнению благодати Духа Святого, в Пятидесятницу сошедшего в Сионскую горницу. Ярче всего это богословие проявляется в праздновании Успения и в успенской гимнографии.

Второй пункт посвящен реконструкции начального вида ирмоса «Честнейшую херувим», его датировке и рассмотрению его содержания. Ирмос «Честнейшую херувим» в своем первоначальном виде мог выглядеть следующим образом:

*Высшую Херувимов
И славнейшую Серафимов
Воистину Богородицу
В песнях величаем.*

Ирмос «Высшую Херувим» связан с Успением и одновременно выражает торжество по поводу победы православия на Эфесском соборе. Появление его первоначального текста, реконструируемого в данном исследовании, можно с большой осторожностью датировать второй третью – серединой V века. В VI веке, благодаря догматическому развитию и афтартодокетическим спорам, этот текст приобретает современные черты и более сложную форму за счет изменения начала и припева, добавления

дополнительного стиха и создания параллелизмов – ἀδιαφθόρως и ἄστυκρίτως. Однако, в древних версиях, прежде всего – в грузинской, сохранился ряд первоначальных чтений – «высшую», «в песнях величаем».

Анализ одного небольшого гимнографического текста позволяет понять, как формировалось и росло изумленное почитание Пресвятой Богородицы, которую восточные христиане считали и считают не только вершиной человеческого рода, но и «высшей Херувимов и славнейшей Серафимов». Это почитание мобилизовывало граждан Восточно-Римской империи на борьбу и подвиги. В этом гимне отчетливо прослеживаются аксиологические и антропологические представления ромеев – идея о том, что человек по своему призванию выше ангела и может во плоти не только проводить ангельскую жизнь, но и стать жилищем Самого Бога Слова.

Пункт, посвященный празднику Благовещения, содержит анализ Благовещенского канона, точнее двух его последних песен, которые в древности образовывали двупеснец. В свою очередь, он вырос из древнего алфавитного кондака, который мог петься на праздник Благовещения. Преобразование этого протокондака в однопеснец могло произойти между 383 и 431 годом. После Эфесского собора в богослужение вводится «Величит» и создаются строфы на «Величит» (второй песнью двупеснца), связанные с приданием празднику Благовещения большей торжественности в связи с победой над несторианством. Благовещенский двупеснец несет актуальную историческую информацию о почитании Богородицы в византийском обществе V века и антинесторианских настроениях в нем, а также развитие культуры праздника.

Четвертый параграф, посвященный почитанию святых, открывается пунктом, содержащий анализ прежде неизвестной службы святителя Николая Мирликийского, обнаруженной автором в рукописи X века (РНБ Греч. 89). Она представляет несомненный интерес с исторической, литургической и филологической точек зрения. Служба, в частности, содержит такой редкий жанр, как

«блаженны», которые могли быть созданы между 858 и 867 годами – низложением патриарха Игнатия и смертью папы Николая. В «блаженных» святитель изображен как добрый пастырь, питающий свое стадо на пажитях и воде упокоения. Возможно, за этими словами скрыто нечто большее, чем простая риторика, в них можно видеть намек на деяние о корабле с пшеницей и на деяние о податях.

Канон святителю Николаю мог быть создан св. Иосифом Песнописцем в промежутке между 843 и 883 годами. Автор использовал древнейший вариант жития, созданный архимандритом Михаилом в начале IX века. В каноне отражается ряд событий из жития св. Николая, в частности – чудо со стратилатами, а также ряд посмертных чудес, в том числе – мироточение от гроба святителя Николая. Он добавляет много нового в изучение житийной традиции, чудес и духовного облика святителя Николая. Канон сосредоточен на чуде мироточения и предоставляет важные сведения о нем: миро изливалось в большом количестве, «потоками», так что им можно было помазывать множество верующих, собиравшихся на праздник Святителя.

Духовный облик Святителя, явленный в каноне, характерен своим богатством, сочетанием многих служений. Святитель Николай – прежде всего архипастырь, «иерархии благоухание» (8, 2), он – воин, поборник Церкви (1, 1)⁸¹. Но, исходя из текста канона, он также подвижник, аскет, который попадает страсти огнем воздержания и приносит себя в жертву Троице.

Второй пункт параграфа посвящен службе святого Або Тбилисского. Как и житие, последование святого Або представляет собой раннее свидетельство о его житии и страдании. Служба во многом зависит от жития, однако, в некоторых моментах значительно отличается от него. В службе, как и в житии, заметны тираноборческие мотивы. В богословии мученичества отмечается универсальный характер мученического подвига: мученик уподобляется апостолам, пророкам, преподобным мужам. Особенно

⁸¹ См. энкомий св. Андрея Критского святителю Николаю. См. Anrich G. Hagios Nikolaos. Bd. 1. 1913.

ощутимо влияние образа святого первомученика диакона Стефана и традиции, связанной с ним. Мученичество в службе осмысливается как «второе рождение», крещение кровью, жертва благая, предварение Второго пришествия и встреча со Христом.

Заключительный, пятый параграф касается гимнографических текстов как источников по истории богослужения, изучаемого в качестве культурного и общественного явления. В первом пункте рассматриваются кондаки преподобного Романа Сладкопевца как источник по истории соборного константинопольского богослужения VI–VII веков. Благодаря им восстанавливается структура великопостных воскресных памятей, связанных с ветхозаветными памятями – от Адама до праведного Иосифа. Поэмы Романа Сладкопевца позволяют сделать вывод о месте кондака в богослужении.

Во втором пункте параграфа рассматривается папирус JR 466, содержащий двупеснец на «Благословите» и «Величит», - памятная литургическая записка, вероятно, написанная между 588 и 620 годами. Ее датирующим признаком является совмещение воскресной службы 5 гласа и памяти святого мученика Феодора Стратилата. Памятная записка указывает на достаточно развитую систему литургических книг, о чем говорит наличие не только тропология, но, вероятно, воскресного Октоиха и Ирмология, что говорит о высоком росте книжной и литургической культуры. Служба, для которой писалась эта памятная записка, была соборно-приходской, соответствовала в ряде черт так называемой службе аввы Нила. Следовательно, колыбелью двупеснца и канона является соборное иерусалимское богослужение. Таким образом, папирус JR 466 стал важным свидетельством миграции иерусалимских литургических обычаев и культурных образцов в эпоху, когда промонофизитски настроенный Египет все более отгораживался от православных регионов Империи. Кроме того, эта рукопись отмечает важный этап формирования византийской книжной культуры и богослужебных структур.

Вторая глава посвящена отражению жизни Империи в гимнографических памятниках и, в известном смысле вопросу о власти и культуре.

Первый параграф раскрывает тему «Империя и император». Первый пункт посвящен теме «крест и империя». В византийской гимнографии крест был знаменем новой христианской политики, призванной быть, в известном смысле, прообразом Царства Небесного, а также — христианской культуры. Крест становится победным знаменем, символом победы империи над варварством и язычеством. Символика Креста связана, с одной стороны, с «оружием мира», с другой стороны, — с инсигниями власти. Явление Креста соотносится со вселенским апостольством империи и обладает эсхатологическим смыслом. Служба святого Константина представляет целый ряд оригинальных черт: крест на небе является ему не пред битвой с узурпатором Максенцием, а пред битвой с варварами; именно Константин, а не Елена, обретает Честной Крест в Иерусалиме. Император предстает как «крестоносный царь» — βασιλεὺς σταυροφόρος, защитник цивилизации Креста и христианской культуры.

Второй пункт посвящен образу святого равноапостольного князя Владимира как нового Константина и его значению для древнерусской культуры, в т.ч. богослужебной. Первая редакция службы святого равноапостольного Владимира могла появиться еще в домонгольское время и носит черты связи со «Словом о законе и благодати». Именование святого равноапостольного князя Владимира царем носило не политический, а сакральный характер, было связано с его священным учительством и апостольством и восходило к христианским и библейским архетипам сакральной власти — святому равноапостольному царю Константину, царям Давиду и Соломону. Общим со святым равноапостольным императором Константином в богослужебных текстах представляется проповедь христианства и поддержка Церкви, сердечный характер веры и отеческий характер власти. Объединяющим началом для обеих служб было и то, что святые

равноапостольные Константин и Владимир оба были родоначальниками благословенных династий, и существует параллель между храмом Апостолов в Константинополе и Десятинной церковью в Киеве. Царь Давид не случайно становится прообразом св. Владимира - и по причине своей кротости и веры, и потому, что спасает свой народ от идолопоклонства, основывает священный град Иерусалим и становится родоначальником династии, получившей Божественное обетование.

Третий пункт параграфа посвящен службе императора Никифора и сравнению ее с последованием Бориса и Глеба. Служба святого императора Никифора могла быть написана на Афоне вскоре после 976 года. Ее автором мог быть или сам преподобный Афанасий Афонский, или кто-либо из его круга. Царь Никифор прославляется как благочестивый правитель, милостивый, кроткий, нищелюбивый. Текст службы опровергает «черную легенду», сложившуюся вокруг императора. Смерть императора Никифора рассматривается как мученичество и типологически сопоставляется с кончиной св. Иоанна Предтечи. Божественное возмездие настигает его убийц, уподобляемых Каину и Ироду. Между службой св. императора Никифора и службой свв. Бориса и Глеба существуют многие параллели: подчеркиваются добродетели святых, их подобие праведному Авелю, а их убийц – Каину, говорится об отвержении ими мира и мирских радостей. Соответственно, мы видим еще один канал влияния византийской культуры на древнерусскую и ее роль в становлении такого важного культурного стереотипа, как образ правителя-страстотерпца.

В четвертом пункте первого параграфа рассматривается анонимный кондак на освящение святой Софии, который достаточно важен и информативен как источник по общественной истории Византии. В нем содержатся отклики на актуальные события середины VI века. Вместе с похвалами в адрес Юстиниана можно между строк выявить некоторые критические настроения: автор существенно занижает статус императора и неодобрительно отзывается о принуждении в религиозных делах. В «Кондаке на

освящение св. Софии» можно выявить «имперский хилиазм» – восприятие Римской империи как некоего тысячелетнего царства Христова на земле. В кондаке отчетливо прослеживается идея миссии, связанная с эсхатологическими мотивами. Упоминание о представителях разных народов, добровольно притекающих в храм, может содержать намек на крещение варварских царей и вождей либо в двадцатые годы VI века в прежней базилике св. Софии, либо в тридцатые-пятидесятые годы – в храме, построенном св. Юстинианом. Кондак имеет целый ряд пересечений с трактатом Прокопия Кесарийского «О постройках», но более глубоко трактует целый ряд общих топосов – освещенность храма, гармоничность его пропорций и другое. В кондаке можно выделить целый ряд богослужебных реминисценций, связанных с чином освящения храма. Текст кондака опровергает теорию Лурье о возможности принесения императором Юстинианом жертв во время освящения св. Софии. В целом кондак весьма важен не только как источник по истории архитектуры, но и по истории миссии и, соответственно, миссионерской культуры — использование величественного храма как средство проповеди.

Второй параграф посвящен войнам, мятежам, катастрофам. Первый пункт касается военной тематики в византийской культуре и в церковной поэзии. Тема войны актуализируется в восточно-римской религиозной поэзии в седьмом веке в связи с персидскими и арабскими войнами. Ряд сюжетов в Акафисте связан с аваро-славянской осадой и персидской войной в целом. Они верифицируются другими источниками – хрониками и поэтическими произведениями. При их интерпретации следует учитывать как библейский текст, так и исторический контекст. Отражение военных сюжетов в богословском памятнике значимо, поскольку подкрепляет идею Церкви воинствующей, борющейся против врагов как видимых, так и невидимых. Таким образом, семантическое поле войны, помимо своего идеального измерения — борьбы со страстями и демонами - обладает здесь конкретным — противоборством с земными врагами христианской империи.

Второй пункт второго параграфа посвящен отражению восстания «Ника» 532 года в кондаке Романа Сладкопевца «На землетрясение и пожар». В этом кондаке преподобный Роман рассматривает восстание «Ника» на фоне предыдущих бедствий империи. Информативно ценно в его кондаке описание пожара с упоминанием о буре, которая разыгралась на Босфоре и мешала спастись мирным горожанам. Весьма важно отсутствующее в других источниках свидетельство о литании, которую совершал император во дворце. Св. Роман относился к Анастасию и его племянникам как к «насильникам» и безоговорочно поддерживал Юстиниана, «нового Давида». Восставшие для него – чудовищная, безбожная сила, подобная исполину Голиафу. Согласно Роману, инициатива восстания и поджоги церквей – дело незнатных и неизвестных лиц иноплеменного и иноверного происхождения, возможно иудеев, самаритян и манихеев, которые смогли поднять охлос на бунт. Ряд источников – прежде всего, «Акты Калоподия», сообщения Иоанна Малалы и Феофана о самарянских и самаритяно-иудейских восстаниях, известие Сократа о иудейском мятеже 415 года, сведения Захарии о присутствии самарян и иудеев в Константинополе в двадцатые-тридцатые годы шестого века – подтверждают точку зрения преподобного Романа. Верный народ в кондаке – это преимущественно страдающая сторона; в гимне песнотворца проводится идея единства народа и царя.

Причина восстания, с одной стороны, мыслится в плане провиденциальном и антропологическом, оно стало следствием и проявлением человеческого греха и Божественным наказанием за грех в виде его пощужения. С другой стороны, возможно, поэт, говоря о предыдущих бедствиях империи, намекает на конкретные социальные причины, связанные с недовольством жителей Константинополя. Преподобный Роман Сладкопевец не закрывает глаза на жестокость подавления восстания и сочувствует жертвам и их родственникам. Более того, он многое смягчает в самой картине восстания и говорит лишь о самом страшном с его точки зрения грехе – сожжения храмов Премудрости и Мира. Это преступление

для него типологически связано с грехопадением Адама и предательством Иуды. Подавление восстания для него – печальная необходимость, связанная с понятием φιλανθρωπία (человеколюбия), понимаемого в данном контексте как исцеляющее и спасающее наказание, подобное горькому лекарству или хирургической операции. Восстановление Константинополя св. Роман воспринимает, как создание нового Иерусалима, а императора Юстиниана сопоставляет со св. царем Константином. Таким образом, разрешается важная проблема власти и народа в рамках более широкой — культуры власти.

Третий пункт посвящен фиксации землетрясений и эпидемий в кондаках преподобного Романа Сладкопевца. В его кондаках зафиксирован целый ряд великих землетрясений VI века, а также чума 544 года. При описании великих землетрясений и бедствий середины VI века Роман Сладкопевец мог использовать хронику Иоанна Малалы, а также и общие с ним источники. Упоминания о бедствиях в его кондаках основаны на реальных фактах его времени и отличаются жизненностью. Египетские аналогии в его кондаке «На десять дев» связаны как с потоплением в 551 году неразумных финикийцев, устремившихся за добычей во время неожиданного отлива при цунами, так и с обличением ромеев, которые в результате своего нечестия перестают быть Новым Израилем и уподобляются язычникам-египтянам. Землетрясения Роман Сладкопевец рассматривает как бич Божий, который обрушивается на головы неразумных детей – детей умом, а не телом, погрязших в грехах и безответственной жизни. Соответственно, в данном пункте рассматривается важная проблема апокалиптизма и эсхатологизма и его роли в византийской культуре.

Третья глава посвящена отражению жизни общества и культуры в византийской гимнографии. В первом параграфе восточно-римский социум рассматривается в зеркале церковной поэзии. Первый пункт посвящен рассмотрению кондаков Романа Сладкопевца, относящихся к моментам жизни различных социальных слоев, временами даются острые, меткие и

справедливые характеристики персонажей. В ряде случаев дается картина социальных конфликтов, а также проводится мысль о Божественном возмездии богачам за их гордыню и жадность. Возможно, образ нищенствующего богача в кондаке «На жизнь монашескую» навеян судьбой Патриарха Иоанна Каппадокийца (+520). Второй пункт касается правовой традиции: представления о казни Христа как *injuria majestatis*, процедуры эмансипации и усыновления, либеллярного инквизиционного процесса, вчинения иска о восстановлении первоначального положения (*de in integrum restitutionibus*)⁸². Гимнографические тексты отражают правовую культуру Византии и ее функционирование в византийском социуме.

Второй параграф посвящен проблематике культуры в византийской гимнографии. Первый пункт посвящен жизни и творчеству преподобного Романа Сладкопевца. Автор предлагает целый ряд новых гипотез: относительно еврейского происхождения преподобного Романа, его занятия врачебной деятельностью, бегства из Берита из-за преследования монофизитов, его статуса императорского советника- богослова при дворе императора Юстиниана и возможного участия в совещании во время восстания «Ника». Во втором пункте параграфа на материале Акафиста, кондаков Романа Сладкопевца и канонов Иоанна Дамаскина рассматриваются концепты культуры и творчества. Античная и христианская культурные традиции противопоставляются как миф и истина, технологии как средства манипуляции, создания химер, с одной стороны, – и искусство как прославление Бога с другой. Для византийцев на место знания рационального и дискурсивного приходит ведение сверхрациональное, «превыше ума», которое носит жизненный, практический и жизнеутверждающий характер. На философском уровне античности была в целом чужда тесная связь жизни и знания, напротив, для христианства она стала определяющей. В византийской гимнографии подвергается сомнению принцип «познай себя», связанный с самоанализом, с

⁸²

Digestae. Liber IV. Titulus 1.

самовзысканием, познанием себя как центра мира, а не взысканием Бога.

Творчество для византийских поэтов обладает триадологическим, пневматологическим и экклесиологическим измерением. Воплощение и домостроительство спасения осмысливается ими как новотворение, творчество. Христианская жизнь, подвижничество рассматриваются как «деятельное восхождение», вид творчества. Жизнь и творчество гимнографов (в частности, Романа Сладкопевца) видится в рамках православной мистики, аскетики, богопознания, экклесиологии. Творчество преподобного Романа для византийцев обладает общественным, учительным значением, его произведения воздействуют на все виды чувств и обладают космологическим характером.

В заключении подводятся итоги работы. Главные из них сформулированы в Положениях, выносимых на защиту.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ

Ряд текстов и положений, легших в основу диссертации обсуждался на следующих конференциях

1. XXIII Международный Византинистический Конгресс (Белград, 22-27 августа 2016 г. - доклады «The Image of St. Constantine the Great in the Unpublished Canon saved in Sinaitic Manuscripts», «The image of St. Prince Vladimir in the service dedicated to him»),
2. Международная научная конференция «Традиции и наследие христианского Востока» (Москва, ПСТБИ. 1994),
3. Международная научная конференции «Памяти протоиерея Димитрия Разумовского. (Москва, 10-12 сентября 1996).
- 3.V Международная богословская конференция: «Православное учение о церковных таинствах», Москва, 13-16 ноября 2007 г.
4. XVIII и XIX Всероссийские научные сессии византинистов (2008, 2012 г.),
5. Ежегодные чтения памяти С.И.Жебелева (2005-2015 г., СПбГУ).

6. Чтения, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского (22-23 июня 2005, 2012 — Институт Лингвистических исследований).

7. Ежегодная Богословская Конференция Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (январь 1998, 2000, 2002, 2003),

8. Конференция Исторического факультета СПбГУ памяти им. В.Мавродина (2008).

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Монографии.

1. *Василик, В.В.* Происхождение канона. История. Богословие. Поэтика / В.В. Василик. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. - 320 с.
2. *Василик, В.В.* Церковь и Империя в византийских гимнографических памятниках / В.В. Василик. - СПб.: Алетейя, 2016. - 640 с.

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК

1. *Василик, В.В.* О древнейшем фрагменте Триоди / В.В. Василик // Византийский временник. - 2002. - Т. 61(86). - С. 93-102.
2. *Василик, В.В.* Влияние богословия св. Кирилла Александрийского на византийскую гимнографию в контексте общественно-религиозной борьбы в Византии V-VIII века / В.В. Василик // Вестник Санкт-Петербургского университета. - Сер. 2. История. - 2006. - Вып. 2. - С. 218-230.
3. *Василик, В.В.* Отражение жизни византийского общества 20–50 годов VI в. в творчестве Романа Сладкопевца/ В.В. Василик // Вестник Санкт-Петербургского университета. - Сер. 2. История. - 2006. - Вып. 2. - С. 76-83.
4. *Василик, В.В.* Из истории византийской книжности. О греческом литургическом палимпсесте из Российской Национальной библиотеки и его значения/ В.В. Василик // Вестник Санкт-

- Петербургского университета. - Сер. 2. История. - 2008. – Вып. 2. - С. 119-127.
5. *Василик, В.В.* К проблеме реконструкции византийских гимнографических текстов и их исторического контекста / В.В. Василик // Вестник Санкт-Петербургского университета. - Сер. 2. История. - 2008. – Вып. 4, ч. 1. - С. 100-107.
 6. *Василик, В.В.* Роман Сладкопевец. Кондак Иосифу Праведному. Вступит. ст., пер. и примеч. В.В. Василика // Вестник древней истории. - 2008. - № 4(267). - С. 260-277.
 7. *Василик, В.В.* К проблеме реконструкции византийских гимнографических текстов (ирмос «Честнейшую Херувим» и его история) / В.В. Василик // Византийский временник. - 2009. - Т. 68(93). - С. 143-151.
 8. *Василик, В.В.* Империя и Крест в византийской гимнографической традиции / В.В. Василик // Вестник Санкт-Петербургского университета. - Сер. 2. История. - 2009. – Вып. 2. - С. 204-212.
 9. *Василик, В.В.* Апостольская география в раннехристианских и ранневизантийских географических памятниках / В.В. Василик // Вестник древней истории. - 2010. - № 2(273). - С. 172-179.
 10. *Василик, В.В.* Гимн Троице как возможный однопеснец / В.В. Василик // Вестник древней истории. - 2012. - № 4(283). - С.133-139.
 11. *Василик, В.В.* Litteraria illiterata (О некоторых фонетических особенностях и грамматических тенденциях византийского греческого языка X века на материале латинских литургических рукописей) / В.В. Василик // Индоевропейское языкознание и классическая филология / Институт лингвистических исследований РАН. - 2012. - Т. XVI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского, Санкт-Петербург, 18-20 июня 2012 г. - С. 127-132.
 12. *Василик, В.В.* Отражение стихийных бедствий и эпидемий в кондаках преп. Романа Сладкопевца / В.В. Василик // Вестник

Костромского университета им. Н.А. Некрасова. - 2015. - №5.
- С. 1-8.

Статьи в журналах, входящих в Scopus.

1. *Василик, В.В.* Эсхатологические представления в Галицко-Волынской летописи / В.В. Василик // Русин: международный исторический журнал. - 2013. - №1. - С. 136-148.
2. *Василик, В.В.* Тема Нового Иерусалима в Галицко-Волынской летописи / В.В. Василик // Русин: международный исторический журнал. - 2013. - №2. - С. 121-130.
3. *Василик, В.В.* Св. равноапостольный Владимир как новый Константин / В.В. Василик // Русин: международный исторический журнал. - 2015. - №4. - С. 323-334.
4. *Василик, В.В.* Конференция «Св. Равноапостольный князь Владимир и его эпоха» / В.В. Василик // Русин: международный исторический журнал. - 2015. - №4. - С. 262-266.
5. *Vasilik V.V.* About a hitherto unknown prayer to St. Anastasia // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. - 2015. – №2(18). - 161-172.

Статьи в прочих журналах и сборниках.

1. *Василик, В.В.* Новые данные по истории палестинской гимнографии / В.В. Василик // Традиции и наследие христианского Востока: материалы международной конференции. - М.: Индрик, 1996. - С. 181-208.
2. *Василик, В.В.* Новый источник по истории ранней палестинской гимнографии / В.В. Василик // Byzantinoslavica: Révue Internationale des Études Byzantines. - 1997. - Т. 63(2). - С. 311-337.
3. *Василик, В.В.* К вопросу о значении и составе Триоди IX века (Р.А. И.К.) / В.В. Василик // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского богословского института. - Т. 6. - М.: ПСТБИ, 1998. - С. 51-54.

4. *Василик, В.В.* Авксентий / В.В. Василик, А.Ю. Никифорова // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия ; рук. С. Л. Кравец. - Т. 1. - М.: Православ. энциклопедия, 2000. - С. 145-146.
5. *Василик, В.В.* Источник жизни во гробе полагается (О гимнографии Успения) / В.В. Василик // Труды Высшей религиозно-философской школы. - №5. Богословие, философия, словесность. - СПб.: ВРФШ, 2000. - С. 93-115.
6. *Василик, В.В.* К датировке Богоявленского канона / В.В. Василик // Гимнология. – Вып. 1. Материалы Международной научной конференции «Памяти протоиерея Димитрия Разумовского» : [в 2 кн.]. - Кн. 1. - М.: Композитор, 2000. - С. 87-100.
7. *Василик, В.В.* О неизвестной службе святителю Николаю / В.В. Василик // «Правило веры и образ кротости...»: сборник материалов конференции «Образ святителя Николая в агиографии, иконографии, гимнографии», Москва, апрель 2003 г. / сост. и общ. ред. А.В. Бугаевский. - М.: ПСТБИ, 2004. - С. 286-337.
8. *Василик, В.В.* О ранней истории Туринской плащаницы / В.В. Василик // Мнемон. Исследования по истории античного мира: альманах / под ред. Э.Д. Фролова. – Вып. 4. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. - С. 434-444.
9. *Василик, В.В.* Отражение римского права в византийской гимнографии / В.В. Василик // Древнее право - Jus antiquum. - 2007. - №1(19). - С. 23-34.
10. *Василик, В.В.* Богословие мученичества в ранней грузинской гимнографии: служба св. Або Тбилисскому / В.В. Василик // Пятые Торчиновские чтения «Философия, религия и культура стран Востока»: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 6-9 февраля 2008 г. / сост. и отв. ред. С.В. Пахомов. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. - С. 55-66.
11. *Василик, В.В.* События византийско-персидской войны в «Акафисте» / В.В. Василик // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада:

- материалы XVIII Всероссийской научной сессии византистов. - М.: ИВИ РАН, 2008. - С. 36-43.
12. *Василик, В.В.* Кондак на обновление Святой Софии как исторический источник: некоторые наблюдения / В.В. Василик // *Prosperis sed respice: проблемы славяноведения и медиевистики: сборник научных статей в честь 85-летия профессора Владимира Александровича Якубского* / С.-Петербург. гос. ун-т, Истор. фак.; отв. ред. А.Ю. Дворниченко. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. - С. 306-322.
13. *Василик, В.В.* Евхаристия в гимнографических памятниках Церкви / В.В. Василик // *Православное учение о церковных таинствах : V Международная богословская конференция, Москва, 13-16 ноября 2007 г. - Т. 2. Евхаристия: богословие. Священство.* - М.: Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. - С.111-123.
14. *Василик, В.В.* Молитва и мученичество / В.В. Василик // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: альманах* / под ред. Э.Д. Фролова. – Вып. 8. - СПб: Издательство СПбГУ, 2009. - С. 410-423.
15. *Василик, В.В.* Семнадцатая гомилия Патриарха Фотия / В.В. Василик // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* - 2011. - №1. - С. 73-92.
16. *Василик, В.В.* Гимнографические тексты «Апокалипсиса» как свидетельство литургической жизни и самосознания ранних христиан / В.В. Василик // *Мнемон. Исследования по истории античного мира: альманах* / под ред. Э.Д. Фролова. – Вып. 11. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. - С. 340-352.
17. *Василик, В.В.* Окружное послание преподобного Навкратия о кончине преподобного Феодора Студита / В.В. Василик // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* - 2012. - № 1. - С. 127-141.
18. *Василик, В.В.* О каноне, посвященном св. Константину Великому / В.В. Василик // *Манрусум. Вопросы истории, теории и эстетики духовной музыки: международный*

музыковедческий ежегодник / отв. ред. и сост. А. Аревшатын.
- 2012. - С. 20-40.

19. *Василик, В.В.* О неизвестном палестинском каноне св. Константину Великому / В.В. Василик // Византия и византийское наследие в России и в мире: тезисы докладов XX Всероссийская научной сессии византинистов, Москва, 3-6 июня 2013 г. - М.: ИВИ РАН, 2013. - С. 110-117.
20. *Василик, В.В.* Диакон на императорской службе // Историко-психологические аспекты бюрократии: материалы XXXVI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 15-16 декабря 2014 г. / под ред. С. Н. Полторака; Междунар. ассоц. исторической психологии им. В.И. Старцева. СПб.: Полторак, 2014. С. 22-29.

Статьи на английском языке.

1. *Vasilik, V.* What was not written by St. Cosmas of Maiouma / V. Vasilik // *Manrusum. Problems in the History, Theory and Aesthetics of Sacred Music: International Musicological Review: 3 vols*, Erevan: private publ., 2001. – Т. 1. - P. 20-30.
2. *Vasilik, V.* Triodion-Palimpsestus of the IX century / V. Vasilik // *Proceedings of American Society of Byzantine Hymnology and Music*. - 2009. - Vol. 1. - P. 300-320.

Подписано в печать 24.01.2017.

Формат 60x84/16. Объем 2,5 п. л. Тираж 150 экз. Заказ 24/01-17.

Отпечатано в типографии «Процвет»
194356, Санкт-Петербург, Московский проспект д.158